

exercized by the Bohemians and the Germans. After the war, with the re-emergence of the Polish state, the relations between the groups were reversed, and Bohemians emigrated to Czechoslovakia.

In the Western Galicia the three main Slavic groups of highlanders were the Poles, Slovaks and Ruthenians. Polish-Jewish and Polish-Gypsy relations in the region are also characterized.

The focus of the paper is on the impact of the state and national ideologies on ethnic relations in the Carpathian region.

J. Mucha

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. А. Дубова, О. Д. Комарова

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ВЫЕЗДЕ

К числу наиболее значимых факторов, обуславливающих эмиграцию из какого-либо региона, относится демографическая ситуация. При объяснении непосредственных причин отъезда мигранты обычно ссылаются на те или иные житейские проблемы, такие, как трудности с жильем, получением образования, выбором профессии и устройством на работу, недовольство низкой оплатой труда или плохой организацией досуга и т. п. По существу же в основе этих казалось бы не связанных между собой мотивов зачастую лежат демографические явления одного порядка, а именно: несоответствие темпов прироста и демографической структуры населения изменениям в социальной сфере.

Вместе с тем, признавая особую важность демографических факторов миграции, было бы серьезной ошибкой оценивать их действие изолированно, вне связи с общей социально-экономической ситуацией в регионе, а также без учета этнокультурных и религиозных традиций мигрантов, их групповой психологии и специфики взаимоотношений с окружающим населением. Как показывает практика, в одних случаях наличие в регионе достаточно сильного демографического давления тем не менее не вызывает эмиграции, в других же, наоборот, толчком для массового оттока населения может стать даже незначительное нарушение демографического равновесия.

Если говорить о бывшем Советском Союзе, то наиболее ярким примером первого рода могут служить республики Средней Азии, ныне суверенные государства — Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан, где несмотря на избыток населения во многих районах, особенно сельских, миграция коренного населения остается весьма незначительной. Наличие явно повышенного демографического давления в этом регионе подтверждается сохранением исключительно высокого по нынешним меркам уровня рождаемости (от 30,4 на 1000 населения в Киргизии до 38,7 в Таджикистане), который превосходил соответствующий среднесоюзный показатель почти вдвое, а показатели большинства развитых стран Европы — даже в три-четыре раза¹. В аграрном секторе названных государств налицо многочисленная скрытая безработица. Тем не менее сельские жители вовсе не стремятся мигрировать не только в отдаленные регионы, например в Сибирь или на Дальний Восток, где ощущается острая нехватка рабочей силы, но даже в собственные среднеазиатские города.

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в среднем около 80% сельского населения Средней Азии (от 76,7% в Киргизии до 88,2% в Узбекистане) в момент опроса проживало на том же самом месте, где родилось².

Слабая мотивация к переездам объясняется здесь тем, что в традиционной системе ценностей местного населения значение сельского образа жизни, прочных родственных и этнических связей по степени важности опережает стремление к повышению образовательного и профессионального статуса, которого можно было бы достигнуть при жизни в крупных городах. Поэтому в данном случае демографические факторы сами по себе не создают действенных стимулов для эмиграции. Их как бы оттесняет на задний план влияние специфических религиозных и этнокультурных традиций.

Противоположный пример являют собой сообщества, которые в силу специфики своего происхождения и условий существования весьма чутко реагируют на изменение демографических факторов. В первую очередь это относится к так называемым этническим меньшинствам, обычно образующимся в результате отселения более или менее многочисленной части какого-либо этноса с основной территории его размещения. Последующее проживание в условиях более или менее чуждого национального окружения неизбежно накладывает определенный отпечаток на социально-экономическую и этнокультурную жизнь этнических меньшинств, а также на их групповую психологию и даже процессы естественной репродукции.

Можно предположить, что этнические меньшинства, возможно даже бессознательно, стремятся к созданию своеобразного защитного механизма, призванного сберечь их целостность в условиях инонационального окружения. Достижение этой цели несомненно во многом зависит от численности и структуры самих этнических меньшинств. Так, вызванные действием каких-либо внешних обстоятельств ощутимые потери численности, как правило, сопровождающиеся резкими сдвигами демографической структуры, фактически могут стать роковыми в судьбе таких групп, так как лишат их возможности полноценного воспроизводства: как демографического, так и этнокультурного. В подобной ситуации единственным средством сохранить собственную этничность может оказаться перемещение в иную среду, обеспечивающую приостановку неблагоприятного действия демографических факторов. Как видим, в данном случае, в отличие от приведенного выше примера Средней Азии, именно демографическая ситуация (хотя и не демографическое давление как таковое) является главным побудительным стимулом эмиграции.

Наконец, необходимо учитывать и то, что собственно решение эмигрировать принимает каждый конкретный человек, исходя из индивидуальной оценки ситуации, в которой он находится. А эта оценка зависит как от врожденных особенностей личности (типа конституции, темперамента и т. д.), так и от ее жизненного опыта, соотнесенного с групповым опытом тех же людей, с которым индивид считается. Поскольку при выяснении причин эмиграции именно этот биологический аспект зачастую упускают из виду, мы считаем нужным рассмотреть его несколько подробнее.

Решение об эмиграции отнюдь не является единственно возможной реакцией на стрессовую ситуацию. Выбор той или иной инициативы отражает и биологический полиморфизм Человека разумного. Прежде всего это индивидуальная эмоциональная чувствительность человека, которая за счет определенного физиологического механизма (повышение выделения некоторых гормонов передней доли гипофиза, а под их воздействием и гормонов коры надпочечников) в значительной мере предопределяет тип поведенческой реакции. Кстати сказать, именно это обстоятельство скорее всего объясняет хорошо известные факты увеличения размеров головы и тела у потомков переселенцев, так как среди упомянутых гормонов не последнее место занимает соматотропин — гормон роста³.

Выделяется несколько типов поведенческих реакций, в основе которых лежат разные физиологические механизмы. Если предыдущий опыт личности говорит о том, что с воздействием данного стрессора она может справиться, отмечается физиологическая реакция «борьба», которая мобилизует все ресурсы

организма на преодоление неблагоприятного воздействия и заключается в проявлении смелости, хвастовства, агрессивности, в стремлении непременно достигнуть поставленной цели. Если же сил слишком мало, личность уходит от действительности, отменяет свои решения, у нее может проявляться чувство страха, возбуждение, т. е. реакция «бегство». Крайняя степень проявления такой реакции — «депрессия», которая выражается в беспомощности, повиновении действующей силе, подавленности, угнетенности, высоком уровне тревожности.

В ходе эволюции высших животных физиологическому ответу в ситуации «борьба или бегство» была привита новая реакция, которая имеет тесные взаимоотношения с социальными условиями жизни. Сущность этой реакции состоит в том, что механизмы обеспечения готовности энергетических ресурсов организма к дальнейшей продолжительности стресса включаются в том случае, когда принято решение не реагировать на стрессорный вызов борьбой или бегством, а следовать третьей инициативе. Можно назвать ее «консервацией». В социальной ситуации, в которой всегда существуют доминанты, этот третий вариант крайне необходим. Он включает в себя подчинение требованиям доминанта и подавление предыдущих типов поведения. В конфликтной ситуации вместо проявления агрессивности или бегства индивид может больше выиграть от повиновения и испытания даже депрессии, так как больше не конкурирует с другими личностями. Его нейроэндокринная система активизирована. Личность быстрее, чем другие члены общности, находящиеся в нормальном, не напряженном состоянии, обучается новому поведению. Приобретенные новые навыки позволяют ему избежать смертельного исхода вследствие открытого неповиновения доминирующей силе или ситуации⁴.

Не только эмоциональный, но и физический ответ на воздействие стрессора также достаточно индивидуален. Работами русских физиологов последних десятилетий, проведенными под руководством К. В. Судакова, показано, что реакции кровеносных сосудов в одной и той же эмоционально-конфликтной ситуации у разных индивидуумов обладают определенной специфичностью. Обнаружена индивидуальность и физиологических изменений, сопровождающих сосудистые реакции⁵.

Тот или иной вариант стратегии поведения личность выбирает прежде всего в зависимости от порога чувствительности к различным веществам, вырабатываемым самим организмом, находящимся в возбужденном состоянии, а также в зависимости от типа конституции — связанных между собой морфо-структурных и функциональных показателей человека. Группа исследователей из г. Новосибирска под руководством В. П. Казначеева выделила три таких типа. Первый — способность индивида хорошо выдерживать воздействие кратковременных и сильных нагрузок, но неспособность противостоять длительно действующим слабым раздражителям. Второй — способность сохранять высокий уровень устойчивости при длительном воздействии слабых по силе раздражителей и крайняя неустойчивость перед сильными кратковременно действующими раздражителями. Третий (промежуточный) — способность сочетать в своих реакциях на внешние раздражители, не всегда дополняющие (чаще недополняющие) друг друга, черты реакций индивида, присущие первому и второму типу реагирования. Исследования показали, что около 20% членов популяции имеют промежуточный тип реагирования, а представители двух других типов составляют приблизительно по 40%⁶.

Таким образом, поскольку индивидуальная оценка ситуации и выбор стратегии поведения базируется на предыдущем жизненном опыте личности и зависит от чувствительности человека, от его конституции, которые в определенной мере контролируются генетически, в любой популяции найдутся люди, склонные к отъезду даже при слегка осложнившихся обстоятельствах, и такие, которые в самой сложной обстановке не покинут своего места жительства.

В своем поведении человек использует не только личный жизненный опыт, но и накопленный всем сообществом, членом которого человек себя ощущает. Этот коллективный опыт особо важен тогда, когда необходимо преодоление кризисной ситуации. Уже в традиционных неурбанизированных обществах были выработаны специальные механизмы в виде обрядов и обычаев, регламентирующих поведение человека в такие сложные моменты, как смерть или болезнь близкого человека, рождение ребенка и т. п., в которых принимают участие родственники и соседи. Именно поэтому естественным является стремление этнических меньшинств, отмеченное ранее, сохранить свою целостность. Однако если человек очень чувствителен к изменениям ситуации, если ни его собственный, ни общинный жизненный опыт не помогают в сложившихся обстоятельствах, личность вынуждена действовать только в соответствии с тем поведением, которое диктует ей ее физиология. Понятно, что стратегию «борьба» или «консервация», личность выберет в ситуации, когда она находит поддержку тех или иных социальных служб, что имело место чаще в традиционных обществах. В настоящее время давление информационных перегрузок, плотности населения, разрушение родственных и этнических связей, непрочность других социальных объединений приводит, особенно в урбанизированной среде, к более широкому распространению стратегий «бегство» или «депрессия».

Итак, обобщая все сказанное выше, мы приходим к заключению, что изучение причинности эмиграции целесообразно вести на трех различных уровнях, пользуясь при этом приемами и методами разных наук, равно как и их комбинациями.

Первый этап предполагает всестороннюю оценку демографической ситуации в регионе как объективной базы для формирования комплекса причин, способствующих «выталкиванию» людей с данной территории. Поскольку же, как мы постарались показать, прямой связи между демографическими факторами и миграцией не существует, на следующей стадии исследований полученную картину необходимо дополнить анализом более широкого круга факторов: не только демографических, но и этнорелигиозных, историко-культурных, социально-экономических и многих других. Подобный подход позволит глубже понять подлинные причины эмиграции как массового процесса, отражающего суммарный результат группового поведения множества индивидуумов. Разобраться в тонкостях данного процесса, выявить специфику его индивидуальных составляющих позволит исследование эмиграции на индивидуальном уровне с привлечением биологических и связанных с ними психологических методов.

Для большей наглядности постараемся применить изложенную схему для анализа эмиграции русского сельского населения с территории Закавказья, где оно представляет одно из многих этнических меньшинств. Материалы для исследования были получены авторами данной статьи в 1986—1990 гг. во время работы в русских селах, расположенных в трех закавказских республиках: Грузии, Армении и Азербайджане. Нами изучено около 20 сел разной величины с числом жителей от 100 до 4000 человек, основанных в середине XIX в. русскими религиозными сектантами (молоканами и духоборами), высланными царскими властями из ряда центральных и южных губерний России за их религиозные убеждения. Жители упомянутых селений в условиях Закавказья свыше 100 лет успешно просуществовали как относительно замкнутые популяции. В новой для них природной и культурной среде они сумели сохранить свою самобытность и наладить довольно тесные контакты с местным населением: грузинами, армянами, азербайджанцами, но не слиться с ними.

В первые несколько десятилетий после образования русских сел (т. е. во второй половине XIX — первой четверти XX в.) число их жителей устойчиво увеличивалось за счет естественного прироста, а затем, достигнув определенного

уровня, разного в каждом из сел, стабилизировалось. Однако на рубеже 1950/1960-х годов сложившееся равновесие нарушилось из-за процесса урбанизации, охватившего в тот период многие районы СССР, включая Закавказье.

Массовый отъезд молокан в города вызвал заметное ухудшение демографической структуры русских переселенцев, выразившееся в снижении абсолютной численности и удельного веса лиц репродуктивного возраста при одновременном повышении доли старших поколений. В свою очередь это привело к сокращению трудоспособного населения, а также количества заключаемых браков и соответственно числа родившихся. Возрастно-половые пирамиды в большинстве русских селений приобрели неестественно расширяющиеся кверху очертания с узким основанием. В итоге нормальные процессы репродукции (как в демографической, так и в производственной сферах) оказались подорванными⁷. Неблагоприятные сдвиги демографической ситуации дали повод местным властям «открыть» русские села для коренных жителей Закавказья, которые поначалу стали занимать ведущие посты в производстве и обслуживании (должности бригадиров, председателей колхозов, экономистов, бухгалтеров, милиционеров, врачей и среднего медперсонала, продавцов, почтовых работников и т. п.), а затем все более активно скупать оставленные русскими мигрантами дома и поселяться в них. В результате за короткое время многие села из чисто русских превратились в смешанные по национальному составу. Особенно интенсивно этот процесс шел в Азербайджане, где, по нашим данным, доля русских жителей в большинстве русских сел составляла в конце 80-х годов нашего столетия уже менее половины всего населения⁸.

Заселение русских сел коренными жителями Закавказья сопровождалось распространением типичных для них ценностей и моделей поведения, во многом чуждых для русских. Последние субъективно восприняли этот процесс как усиление инонационального давления и оценили его как реальное ухудшение условий своего существования. Тем самым создались дополнительные стимулы для новой волны русской эмиграции.

Об уровне интенсивности эмиграции в эти годы из русских сел Закавказья позволяют судить специальные коэффициенты, рассчитанные нами как отношение среднегодового числа выехавших из определенного села за период наблюдения (как правило, за последние 3—5 лет) к наличному населению на конец данного периода. Величина этих коэффициентов в отдельных республиках (в среднем по всем изученным селам) составляла: в Грузии — 2,1%, в Армении — 3,4%, в Азербайджане — 7,4%⁹. Столь значительные потери численности (особенно в Азербайджане) не только осложняют судьбу оставшихся, но по существу обрекают русские популяции в Закавказье на вымирание из-за невозможности воспроизвести себя.

Думается, рассмотренный пример помимо описания конкретной ситуации в одном из регионов СССР имеет и более широкое значение как типичная модель взаимодействия малой этнической общности со значительно превосходящим ее по численности инонациональным окружением. Она помогает проследить, как демографический фактор (в частности, изменение возрастнo-половой структуры сельских популяций под влиянием урбанизации) оказывается решающим для всей последующей судьбы популяции и даже самого ее существования.

В подобных условиях возможны три основных варианта развития событий.

1. Постепенное растворение этнического меньшинства в инонациональном окружении вследствие вымирания старших возрастных когорт и распространения этнически смешанных браков.

2. Индивидуальная или групповая эмиграция в разных направлениях. Заметим кстати, что оба этих варианта означают в конечном счете прекращение существования исходной человеческой совокупности как целостной популяции.

3. Наконец, третий вариант предполагает коллективный переезд оставшихся

членов сообщества в некое место, где ничто не будет угрожать их целостности, вследствие чего миграция приостановится и вновь наладится нормальное воспроизводство населения.

Среди русских сел Закавказья нам ни разу не встретился первый из этих вариантов. Причиной этого безусловно является жесткая этническая эндогамия, которой придерживаются как духоборы, так и молokane.

Второй вариант свойственен таким селам, как, например, Новоголовка, в котором в 1987 г. проживало около 1000 человек, а русские составляли там не более 50%. На протяжении последних 20 лет год за годом жители уезжали из этого села семьями в разные области России. Но эмигранты даже не интересовались, где поселились их прежние соседи.

Третий же вариант наиболее ярко проявился в с. Ивановка, население которого составляло в 1987 г. более 3000 человек; из них 80% — русские. Здесь действует очень большая молokaneская община. Председатель колхоза и другие старейшины общины имеют большой авторитет. За 1990 г., например, это село покинуло лишь 10 девушек и юношей, которые хотели получить образования в городах России. Ни одна русская семья не уехала за этот год из села. На общем собрании жителей в момент кризисной ситуации в 1990 г. было принято решение, что они, если и покинут это место жительства, то только все вместе.

Таким образом, главным выводом из всего сказанного выше должна быть констатация факта, что эмиграция не является универсальным ответом на кризисную ситуацию. При анализе факторов, оказывающих влияние на принятие решения об эмиграции, необходимо кроме прочего учитывать биологические и связанные с ними психологические особенности личности. Несмотря на важнейшее значение демографического фактора в этом процессе, он не во всех случаях действует однозначно.

Примечания

¹ Демографический ежегодник СССР. М., 1990. С. 99—106.

² Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979. М., 1985. С. 360—363.

³ Тигранян Р. А. Стресс и его значение для организма. М., 1988. С. 52, 62 и др.

⁴ Janowsky D. S., Rish S. C. Cholinomimetic and anticholinergic drugs used to investigate an acetylcholine hypothesis of affective disorders and stress//Drug Development Res. V. 4. 1984. P. 125—142.

⁵ Sudakov K. V. Specific mechanisms of emotional stress//Stress: The Role of Catecholamines and other Neurotransmitters. V. 1. N. Y., 1984. P. 37—57.

⁶ Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск, 1986. С. 25—26.

⁷ Подробнее об изменениях демографической ситуации в русских селах Закавказья в долгосрочной перспективе см.: Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX—XX в.).//Советская этнография. 1988. № 6. С. 34—49.

⁸ Комарова О. Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане//Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ч. 1. М., 1990. С. 16—18.

⁹ Комарова О. Д. Современные миграции населения из русских сел Закавказья//Духоборцы и молokane в Закавказье. М., 1992.

The Population Demographic structure and Decision to Migrate

Acknowledging the crucial role of demographic factors in migratory processes, the authors emphasize the necessity of the evaluation of those factors in close connection with the socio-economic situation as a whole, as well as with ethno-cultural and religious traditions of the migrants, their group psychology and interrelations with the larger society. Biological and psychological make-up of a person making decision to migrate should be also taken into consideration while analyzing the relevant factors.

N. A. Dubova, O. D. Komarova